

УРОКИ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ

Размышление
о «Парадном подъезде»
и «Ревизоре»*И. Б. КАЧИНСКАЯ*

А любопытно было бы сравнить некрасовское «Размышление у парадного подъезда» с «Ревизором» Гоголя, особенно со сценой вранья Хлестакова. При совершенно различной обличительной направленности — какое сходство! И даже субъекты-наблюдатели за «парадным подъездом» похожи (Хлестаков и лирический герой стихотворения): оба достаточно далеки от «роскошных палат» и наблюдают за жизнью «счастливых» извне, с той лишь разницей, что Хлестаков мечтает об этой жизни, а герой Некрасова осуждает её.

Откуда сравнивать? От Некрасова к прошлому, от «Размышления...» к «Ревизору»:

Вот парадный подъезд.
По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям (...)
А владелец роскошных палат
Ещё сном был глубоким объят.

действительно, XII—XIII явления IV действия посвящены тому, как Хлестаков «волочится напрапало» за Марьей Антоновной и делает предложение замужней Анне Андреевне. При этом он приглашает Анну Андреевну удалиться с ним «под сень струй». Ранее, в разговоре с нею же, у Хлестакова уже проскальзывали «руссоистские мотивы»: «Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки...» Некрасов «исправляет» алогизм Гоголя, превращая «сень струй» (= древесная сень + вода) в «нормальный» пейзаж:

Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовоной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золота, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны (...)

Даже основную для Некрасова — мужицкую, крестьянскую — тему можно найти в «Ревизоре». Хлестаков возмущается: «За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками?»

В IV действии Хлестакова «осаждают убогие лица»: слесаршу и унтер-офицерскую жену (вариант — вдову) сменяют у Некрасова «прожктёры, искатели мест, и преклонный старик, и вдовица». «Простых» просителей Хлестаков принимать отказывается: «Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! (Отходя.) Надоели, чёрт возьми! не впускай, Осип! О с и п (кричит в окно). Пошли, пошли! не время, завтра приходите!»

У Некрасова:

Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»

«Оборванцы» Некрасова своей «некрасивостью» (хотя и менее утрированной) напоминают гоголевских:

Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах...

У Гоголя в ремарках: «Дверь отворяется и выставляется как-кая-то фигура во фризовой шинели, с небритою бородою, раздутую губою и перевязанною щекою; за нею в перспективе показывается несколько других».

Последняя черта сходства, на которой бы хотелось остановиться: тема «бумагомарак», «щелкопёров». Если в начале говорилось о сходстве позиции «героев», их «остранённости», «отстранённости» от «роскошных палат» и «парадных подъездов», то теперь стоит

«Хлестаков. А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели <...>». В IV действии Хлестаков ещё спит («всхрапнул порядком»), а в приёмной уже совещаются испуганные чиновники («Входят осторожно, почти на цыпочках <...> в полном параде и мундирах. Вся сцена происходит вполголоса»). Держиморда не хочет впускать пришедших с «просьбами» купцов: «Пошёл, пошёл! Не принимает, спит».

Некрасов:

От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.

Гоголь: «И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!»

Некрасов:

Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом <...>
А иные просители плачут.

Гоголь: «„<...> только уж у меня: ни, ни-ни!.. уж у меня ухо востро! уж я ...“ И точно: бывало, как прохожу через департамент — просто землетрясение — всё дрожит и трясётся, как лист <...> О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится».

Некрасов:

Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною...

«Хлестаков. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне: преданность и уважение, уважение и преданность».

Некрасовской же формуле про «волокичество, обжорство, игру» соответствует много мест и даже сцен в «Ревизоре». Хлестакову не удаётся склонить чиновников «поиграть в карты», но тема игры вновь всплывает в сцене вранья: «Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморилсья, играя, что просто ни на что не похоже».

Тема «обжорства» традиционна для Гоголя. Взять знаменитое изречение Хлестакова: «Я люблю поесть. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия».

Тема «волокичества» в пьесе тоже представлена достаточно развёрнуто. Хлестаков прямо признаётся Луке Лукичу: «Вот ещё насчёт женского полу, никак не могу быть равнодушен». И

подчеркнуть близость позиций авторов, неожиданно заставляющих своих героев вести с ними «полемику», высказывать своё отношение к написанному (в обоих случаях весьма негативное). Городничий у Гоголя пророчил: «Мало того что пойдёшь в посмешище — найдётся щелкопёр, бумагомарака, в комедию тебя вставит. (...) Я бы всех этих бумагомарак! у! щелкопёры, либералы проклятые! чёртово семя!»

У Некрасова:

Щелкопёров забавою
Ты народное благо зовёшь;
Без него проживёшь ты со славою
И со славой умрёшь!

Конечно, большая часть затронутых тем характерна для лирики Некрасова и развёрнуто представлена во многих других его стихотворениях. Текст «Размышления у парадного подъезда» обычно возводят к стихотворным корням («Вельможа» Г. Р. Державина) и к прозаическим («Почта духов» И. А. Крылова, например, «Письмо XXVI ...»). С другой стороны, те же темы неоднократно возникали в творчестве Гоголя. Не претендуя на глубину исследования, здесь предпринята попытка увидеть ещё один — не столько «источник», сколько ориентир — «Размышлений...» поэта.

Неожиданное сближение текстов далековатых — не очередная ли спекуляция по части сравнений кошки с камнем? Собственно говоря, этот же текст Некрасова вполне можно было соотнести и с «Повестью о капитане Копейкине» («Мёртвые души»): там и прихожая генерала, и «убогие все лица», и обжорство, волокитство, отстранённый взгляд на «роскошные палаты». Думается, что эти аяллюзи и реминисценции у поборника гоголёвского направления русской поэзии не случайны. Видимо, Гоголь служил не только идеологической, но часто и буквальной, текстовой основой обличительной литературы 60-х годов, и стихотворение Некрасова — лишь один из возможных примеров этого рода.